

Роль Юрия Венелина в распространении знаний о Болгарии

Если в IX–XIV вв. Болгария, будучи независимым государством, обладала высокой культурой, оказывавшей влияние на культуру и восточно-, и западноевропейских стран, то к XVIII в. в результате османского гнета страна оказалась в состоянии стагнации. Рукописная традиция едва поддерживалась в монастырях, где монахи переписывали на церковнославянском языке жития святых, церковные книги, сборники религиозных поучений. Светские литературные памятники в стране не создавались, книгопечатания в болгарских землях не было. Отсутствовала и сеть светских школ — азы начальной грамотности дети зажиточных крестьян и ремесленников получали в «келейных» училищах при церквях и монастырях. Монастыри, находившиеся, как правило, в отдаленных неприступных местах, стали центрами культурной жизни, средоточием книжности. Не случайно первые писатели эпохи национального возрождения (начиная с Паисия Хилендарского) были людьми духовного звания. В основном же духовная энергия народа уходила в фольклор.

В XVIII–XIX вв. в условиях подъема национально-освободительного движения истерзанный болгарский народ, презрительно называемый поработителями «райей» (стадом), возрождается к новой жизни. Освободительное движение проявлялось в открытых вооруженных выступлениях против угнетателей (гайдуцкое движение, крестьянские волнения, участие болгар в борьбе соседних поработенных народов); в долголетней борьбе за церковную самостоятельность, которая по существу была политической борьбой за духовную независимость, за признание болгарской нации и сыграла важную роль в развитии национального самосознания. Как известно, болгарская церковь попала под власть греческой патриархии, которую турецкие правители признали господствующей в духовной жизни христиан Османской империи. Греческая письменность и культура в условиях османского гнета была для болгар в известной степени поддержкой в сохранении

своей веры и источником, из которого черпались знания, но со временем греческие пастыри, насаждая свой язык в болгарских церквях и школах, стали стремиться к эллинизации прихожан. Даже некоторые болгары (особенно зажиточные) уже воспринимали родной язык как язык невежественного простонародья и отказывались от него. Наряду с отуречиванием эллинизация стала со временем представлять определенную опасность для сохранения этноса.

Н. М. Карамзин в своей «Истории государства Российского» (Т. 1–12, 1816–1829) не упоминает о Болгарии и болгарях. Это объясняется тем, что в то время Болгарии, давно ставшей частью Османской империи (1396 г.), не было на карте мира.

В 20–30-е годы XIX века произошел настоящий прорыв в познаниях россиян о Болгарии и болгарском народе. Этому способствовали труды одного из первых болгаристов в России Ю. И. Венелина.

Юрий Иванович Венелин (Георгий Хуца) родился 22 апреля 1802 г. в закарпатской Венгрии, в селе Великая Тибава, в семье священника, которого, как и других жителей Великой Тибавы, в XIX в. называли карпатороссами. Среднее образование будущий ученый получил в Ужгородской гимназии, затем окончил духовную семинарию. В 1822 г. юноша учился на философском факультете Львовского университета, а весной 1823 г. вместе со своим двоюродным братом, Иваном Молнаром, эмигрировал в Россию. Два года (1823–1825) он прожил в Кишиневе, где работал учителем в семинарии. Себя Венелин называл «русским по рождению, карпатороссом», который «всегда стремился в Россию и пламенно желал поселиться посреди самобытного народа, к которому принадлежал сам и которого историей преимущественно занимался»¹. Юрий Иванович интересовался не только историей русского народа, но и других славян (словенцев, сербов, чехов, поляков и т. д.). Но особенно много внимания он уделил истории болгарского народа. Интерес к болгарской истории и культуре зародился у него в период пребывания в Кишиневе. В ту пору в городе жило много болгарских колонистов (около 2500 человек), которые в XVIII — начале XIX вв. переселились сюда из Османской империи. Всего же в Бессарабию перебралось около 30 000 болгарских беженцев. В Кишиневе существовал квартал, где жили болгары. Юрий Венелин часто посещал этот квартал, беседовал с жителями, изучал болгарский язык, интересовался нравами, обычаями полузабытого, в те годы малоизвестного россиянам народа.

Интересно, что в 1823 г. в Кишиневе жил и А. С. Пушкин. Он сумел познакомиться с жизнью кишиневских болгар, заинтересовался этим народом, позднее написал повесть «Кирджали» (опубликованную в 1834 г. в декабрьском номере «Библиотеки для чтения») и ряд стихотворений, в которых звучат болгарские мотивы. Что же касается Ю. И. Венелина, то можно утверждать, что интерес к судьбе болгарского народа, возникший в Кишиневе, определил творческий и жизненный путь ученого.

В 1825 г. Венелин приехал в Москву, где поступил на медицинский факультет Московского университета. Одновременно с медициной, которая не стала его профессией, юноша изучал историю и филологию. Его увлеченность историей болгар привела к тому, что в год окончания университета (1829) он публикует в Москве книгу «Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам», которую ему помог издать профессор Московского университета М. П. Погодин. В глазах Венелина средневековая Болгария — классическая для славянского мира страна, с классической культурой, которая оказала благотворное влияние на многие народы. Ученый стремится своим трудом возвратить болгарскому народу его историческое достоинство и для этого рисует в книге живую картину его исторического бытия. Автор обличает и европейцев, и россиян за безразличное отношение к участи некогда великого, а ныне порабощенного турками народа: «Пусть иностранцы, по неведению ли или по нерадению, мало о них заботятся, но тем непростительнее нам забыть болгар, [...] коих колыбель сопряжена неразрывными узами с колыбелью русского народа»². Своими работами, написанными образно, страстно, Венелин напомнил о славном прошлом болгар как россиянам, так и самим болгарам, дабы пробудить их национальное самосознание, любовь к Отечеству. Писатели болгарского Возрождения прекрасно знали произведения Юрия Венелина и активно использовали его идеи в своей просветительской деятельности, национально-освободительной борьбе, в своем творчестве. Для них сочинения Венелина по существу стали мощным импульсом усилий по возрождению болгарской нации и ее культуры. Едва ли в мировой истории можно отыскать другое такое феноменальное явление, когда бы молодой ученый одного народа оказал столь мощное воздействие на духовную жизнь другого народа.

Первая книга 27-летнего Венелина принесла ему успех. Она была замечена учеными и журналистами. В русской периодике (в «Московском вестнике», «Литературной газете», «Вестнике Европы», «Московском телеграфе») появились рецензии на данный труд. Авторы рецензий (М. П. Погодин, Н. А. Полевой, К. Ф. Калайдович и др.) спорили друг с другом о достоинствах и недостатках книги. Разгорелась полемика. Русская общественность проявляла все больший интерес к болгарской проблематике. М. П. Погодин и С. Т. Аксаков сумели убедить президента Российской Академии А. С. Шишкова в необходимости помочь талантливому исследователю.

И уже через год после выхода первой книги (в 1830 г.) Российская Академия за свой счет отправила молодого, перспективного ученого в научное путешествие на Балканы (в Молдавию, Валахию, Болгарию, Румелию). Главной целью путешествия Венелин считал изучение Болгарии: «Послезавтра еду я в страну классическую для Руси, Литвы и Венгрии — в Булгарию, отечество Бояна, славного Осиана, отечества священного для нас языка и т. д. Еду за счет Российской Академии. Цель великая, позволили бы только местные обстоятельства», — писал он из Москвы находившемуся в Италии С. П. Ширяеву³. Путешествие ученого продолжалось полтора года (с весны 1830 до осени 1831 г.). Оно было нелегким: в пути Венелин перенес несколько болезней (в том числе тиф), порой сталкивался с настроенностью болгар, которые не всегда понимали цель его путешествия. А целью его было: разыскание старинных болгарских рукописей и книг, изучение болгарского языка и фольклора. Результатом поездки ученого стало опубликование им ряда болгарских памятников⁴, исследований о литературе, фольклоре. Некоторые труды вышли при его жизни, другие же — после его безвременной кончины⁵.

Юрий Венелин высоко ценил древнеболгарскую литературу. «Можно с достоверностью полагать, — писал он, — что ни одно из славянских племен не имело столько рукописей на своем наречии, как болгаре... Кто из европейских народов может похвалиться такою письменною древностью на своем языке?»⁶ Новую болгарскую литературу Юрий Венелин явно недооценивал. В исследовании «Древние и нынешние болгаре...» (1829), в разделе «Литература» ученый приходил к выводу, что «о болгарской литературе нечего и говорить, ибо она еще не возродилась»⁷. Удивляться такой недооценке не при-

ходится. Ведь написанное в 1804 г. яркое произведение Софрония Врачанского «Житие и страдания грешного Софрония» осталось неизвестным Венелину, так как впервые было опубликовано лишь в 1861 г. Г. Раковским в газете «Дунавски лебед»⁸. Единственное произведение, которое характеризует Венелин в разделе «Литература», — «Рыбный букварь» П. Берона (1824)⁹.

Петр Берон (1800–1871) был личностью ренессансной многогранности и относился к тому типу деятелей культуры болгарского Возрождения, что органично соединил в себе писателя, врача, педагога, ученого. Берон издавал свои труды по различным отраслям знаний на болгарском, французском, немецком, греческом и латинском языках. Он явился реформатором учебного дела в Болгарии, противопоставившим старому религиозному обучению новое, светское образование, утверждавшим демократические принципы в педагогике. В истории болгарской литературы Берон остался, прежде всего, именно благодаря своему «Рыбному букварю» — первому новоболгарскому учебнику, в котором в занимательной форме поведал читателю о греческой и римской истории, философии, о жизни народов разных стран, о флоре и фауне земли. Книга Петра Берона, носящая энциклопедический характер, знакомила учащихся с некоторыми литературными жанрами (рассказом, басней). «Я не видел ни одной русской азбуки, — писал Венелин, — которую бы можно сравнить с достоинством сей книжки, весьма поучительной; изложение статей ее ясно, слог приятный, показывающий, что болгарский язык гибок для всяких оборотов»¹⁰. Ученый чутко уловил значимость этой книги, поняв, что она является важной вехой в болгарском историко-литературном процессе.

В 1837 г. Венелин опубликовал в «Московском наблюдателе» статью «О зародыше новой болгарской литературы», а в следующем году эта статья вышла отдельной брошюрой в Москве. Она дважды была переведена на болгарский язык в эпоху Возрождения (в 1842 г. — М. Кифаловым¹¹ и в 1860 г. — Н. Даскаловым¹²). В данной работе Венелин выражал глубокое сожаление по поводу того, что столь рано, в глубоком средневековье, зародившаяся болгарская литература, от которой должно было ожидать блестящей будущности, ныне находится в плачевном состоянии. Причиной этому является, по мнению ученого, политическая судьба народа: двухсотлетнее византийское иго, многовековое турецкое владычество, уничтожение

болгарской патриархии, введение богослужения на греческом языке, истребление болгарских рукописей.

Венелин знакомит русского читателя с духовной жизнью болгарского народа; делится своими впечатлениями о Болгарии, полученными во время путешествия; рисует захватившее болгарский народ невежество, главную причину которого видит в духовной зависимости болгар от греческих фанариотов; информирует о болгарских книгах, вышедших в 20–30-е годы XIX в. (о произведениях Неофита Рильского, Константина Огняновича, Анастаса Кипиловского, Христки Павловича, Эмануила Васкидовича, Райно Поповича, Георги Пешакова и др.). Особо ученый выделяет «Грамматику» Неофита Рильского (1835), в частности лучшую ее часть — филологическое предуведомление, в котором высказываются взгляды, сходные со взглядами самого Венелина касательно диалектов болгарского языка.

Об отношении Венелина к новой болгарской литературе и цели, которую он перед собой ставил, свидетельствуют заключительные строки работы: «Я взялся за перо не с намерением критиковать новонарождающуюся болгарскую литературу, но с намерением подать ей руку, как ребенку, который только что пытается встать на ноги...»¹³ Ученый действительно подал руку помощи болгарской литературе, но не критическими (не всегда справедливыми) оценками произведений современных ему болгарских авторов. Его помощь заключалась в ином. Он определил пути становления новой литературы, наметил направления в развитии болгарской литературы эпохи Возрождения.

Юрий Венелин выдвинул чрезвычайно плодотворную идею о создании эмигрантских центров болгарской литературы, поскольку в пределах Османской империи власти часто запрещали вести культурно-просветительскую работу, издавать литературные произведения (если они не отличались туркофильской направленностью). «Конечно, при упомянутых обстоятельствах, — считал Венелин, — нельзя ожидать, чтобы новая болгарская литература зародилась в пределах Турции. Однако есть богатые болгары и вне Турции, в Бухаресте, Галацах, Браилове, Бессарабии, в Одессе, в Трансильвании, в Песте. В этих-то местах они могли бы заняться не только изданием азбук, грамматики, прописей и других учебных книг, но и устройством первых училищ... Таким точно образом началась вне Турции как ново-греческая, так и ново-сербская литература»¹⁴. И действи-

тельно, позднее возник ряд болгарских культурных центров вне Турции: Одесса, Москва, Николаев — в Российской империи; Бухарест, Браила, Галац — в Румынии; и др. В этих городах выходцы из Болгарии создали центры революционной эмиграции, нацеленные на освобождение родины, просвещение нации, ее культурное развитие. Часто литература эмигрантов была более выразительной, чем зажатое в тиски цензуры, во многом закрытое для передовых веяний литературное творчество внутри страны. Именно она-то нередко являлась авангардом болгарского литературного процесса, определяя его направленность. В сороковые годы XIX в. роль такого авангарда сыграла болгарская одесская эмиграция (Н. Геров, Д. Чинтулов, В. Априлов, Н. Палаузов и др.); в конце 50-х и в 60-е годы — болгарская московская эмиграция (Л. Каравелов, Н. Бончев, Р. Жинзифов, В. Попович, К. Миладинов и др.). В начале 70-х годов XIX в. ведущую роль в культурном развитии нации и в подготовке ее к антитурецкому восстанию стали играть болгарские эмигрантские центры, расположенные в Румынии (Бухарест, Браила, Галац и др.). В Румынии работали в те годы Х. Ботев, Л. Каравелов, Д. Войников, В. Левский, В. Друмев и другие выдающиеся представители болгарского Возрождения.

Работы Ю. И. Венелина в значительной степени определили решительный поворот в духовной ориентации болгар. В первой трети XIX в. значительным для зарождающейся болгарской литературы было греческое литературное влияние. Основоположники новой болгарской литературы переводили и перерабатывали тексты древнегреческих философов и писателей. Крупными знатоками и ценителями греческой культуры были Софроний Врачанский, Петр Берон, Неофит Рильский, Григор Пырличев, Никола Пикколо. Последний издал в Париже тексты и комментарии древнегреческих писателей, которые не потеряли своего научного значения и в наши дни. Античная литература (преимущественно греческая) широко переводится, пересказывается болгарскими литераторами. Болгарский читатель знаком с произведениями и отдельными сентенциями Гомера, Геродота, Ксенофонта, Лукиана, Эзопа, Плутарха, Софокла и др. Воздействие античной культуры — важный момент в развитии светской культуры эпохи болгарского Возрождения. Вместе с тем Греция, тесно связанная морскими путями с Западной Европой, ранее болгар освободившаяся от турецкого ига, развивалась быстрее, чем Болга-

рия, и являлась посредницей в ее знакомстве с тогдашней культурой ряда европейских стран.

Однако на определенном этапе греческое влияние стало тормозом развития болгарской культуры. Некоторые образованные болгары, будучи ярыми грекофилами, стыдились своего болгарского происхождения. Они вели деловую переписку только по-гречески, детей своих обучали только греческой азбуке. Путешествуя в 1830 г. по Болгарии, Венелин неоднократно встречался с детьми, писавшими болгарские слова греческой скорописью, не знавшими родной азбуки. «Таким образом, — писал Венелин, — не мог я вспомнить без грусти, что народ некогда столько писавший, в XIX веке начал лишаться своих письмен...»¹⁵ Греческие фанариоты, вынашивавшие идею эллинизации болгар, препятствовали развитию национальной культуры, изгоняя болгарский язык из церквей и училищ, отчего, по мнению Венелина, немало пострадала литературная будущность болгарского народа: «...Греки, не зная болгарского языка и не имея никакого национального сочувствия со своею паствою, не могли ощущать ни малейшего энтузиазма к поддержанию Болгарской письменности. Мне многие говорили, что даже были гонения на церковнославянские книги! Я не мог разобрать настоящей причины этого гонения на славянские книги. Оттого ли, что епископы, не зная языка, опасались, нет ли в них ереси, или просто делали это из патриотизма для распространения греческого языка вместе с богослужением? Как бы то ни было, однако, достоверно то, что между греками и болгарам тянется некоторая вражда историческая, весьма вредная для рукописей. Под такую же нетерпимостью ныне находятся и болгарские народные училища»¹⁶.

Книги Ю. И. Венелина произвели переворот в сознании многих образованных болгар. Например, проживавший в Одессе болгарский торговец Васил Априлов (1789–1847) был ярым грекоманом, участвовал в греческой гетерии, материально помогал греческому Возрождению. Уже первая книга Ю. Венелина — «Древние и нынешние болгаре ...» (1829) — потрясла его, как бы воскресила для него родину, вернула ему болгарское самосознание. Под влиянием Венелина Априлов стал болгарским патриотом-будителем, идеологом просветительского движения. В. Априлов и Н. Палаузов в 30-е годы XIX в. вели переписку с Ю. И. Венелиным, послали ученому болгарские народные песни, а также деньги болгарских подписчиков

на издание второго тома его исследования, посвященного истории Болгарии. В 1835 г. Априлов на свои средства основал Габровское училище — первую светскую общедоступную школу, куда принимали учиться детей всех сословий, где обучение было бесплатным. Вместе со своим единомышленником Н. Палаузовым он помогал и другим светским школам, открывшимся в разных городах Болгарии. Априлов был убежден, что Возрождению болгарской нации помогут, прежде всего, литература и демократическое светское образование. В 40-е годы он стал одним из лидеров в литературной жизни болгарской одесской эмиграции. Априлов осуждал эллинофильские увлечения некоторых болгарских просветителей, став приверженцем русского культурного влияния. В лице Венелина он, как и другие болгары, увидел «того Гения, который может извлечь их из неизвестности, ознакомить их с их братьями русскими и поставить их наравне с просвещенными народами»¹⁷. Естественно, что в той бурной полемике, которая разгорелась в 30–40-е годы между грекофилами (Р. Попович, И. Селиминский, Э. Васкидович, К. Огнянович) и русофилами (А. Кипиловский, В. Априлов и др.) по вопросу об ориентации в развитии болгарской культуры, Васил Априлов стоял на русофильских позициях, считая, что становлению национального самосознания болгар поможет прежде всего Россия. Поэтому он писал об И. Селиминском, пославшем болгар учиться в Афины: «Должно было ему направить путь не к югу, а к северу, ибо, если когда-либо болгаре увидят у себя правильные учебные заведения и народную литературу, то это будет не иначе как посредством изучения своего собственного языка, помощью русских и славянских книг. Истина сия рано или поздно восторжествует»¹⁸.

В 40–70-е годы XIX в. все больше болгар едет учиться в Россию. В России учились и работали многие болгарские писатели: Г. Раковский, Д. Чинтулов, Н. Геров, Н. Бончев, Р. Жинзифов, Х. Ботев, В. Друмев, Л. Каравелов, К. Миладинов, Н. Катранов, С. Стамболов и др. Становление болгарской художественной литературы проходило под мощным воздействием русской литературы. Сочинения Юрия Венелина способствовали повороту в духовной ориентации болгар, возврату болгарской литературы к славянской традиции.

Этот поворот ярко просматривается на примере семьи поэта и публициста Райко Жинзифова. Его отец Иоанн Дзиндзиф, настроенный эллинофильски, дает сыну греческое имя Ксенофонт, записывает

его в греческое училище, сам обучает его греческому языку. А сын меняет греческое имя Ксенофонт на славянское Райко, получает высшее образование в России, сближается со славянофилами и становится борцом против засилья греческих фанариотов в училищах и церквях Болгарии. Тридцатые годы XIX в. Райко Жинзифов справедливо называл временем Юрия Венелина, который своими сочинениями о болгарях приобрел в их среде неувядающую славу. «Имя этого замечательного слависта, — писал Жинзифов, — так популярно в Болгарии, что вряд ли в наше время найдется сколько-нибудь развитой болгарин, которому были бы неизвестны как имя Юрия Венелина, так и его сочинения»¹⁹. По мнению Жинзифова, болгарам Венелин «внушал любовь к родному слову и воскресил в них воспоминания о славной, давно прошедшей старине. Его сочинение «Древние и нынешние болгаре» произвело сильное впечатление на болгарских читателей, которые нашли в его книге то, что до того времени только смутно сознавали и в чем нуждались как в хлебе насущном. В его книге, как в зеркале, увидели болгары всю прошедшую историческую жизнь своего народа, всю старинную славу и отнеслись с горячим сочувствием к описанным событиям. Его научный взгляд относительно древних болгар, основавших первую династию среди славян Балканского полуострова, до того пришелся по сердцу современным болгарам-славянам, что [...] никто не смеет сказать им, что теория Венелина не выдерживает строгой научной критики. Одним словом, Венелин своими сочинениями, благотворное влияние которых на болгар было громадно, создал целую школу с многочисленными последователями, и его научный взгляд на историю болгар будет иметь среди них перевес над всякою другою ученою теорией [...] С этого времени болгарская письменность начинает мало-помалу оживляться»²⁰. Райко Жинзифов, как и многие другие возрожденцы, связывал с деятельностью Венелина не только зарождение новой болгарской литературы, но и начало самой эпохи национального Возрождения.

В русской печати некоторые научные положения и гипотезы Венелина подвергались критике (и, порой, справедливой). А для болгарских читателей точка зрения Венелина потому имела перевес над всякою другою, что в ту пору им важнее был эмоциональный заряд его сочинений, нежели точность научной аргументации. Эмоциональное воздействие сочинений Венелина на болгар было

чрезвычайно сильным благодаря литературным достоинствам его произведений. Сухие научные тексты не смогли бы, думается, так взволновать болгарских читателей, как такие сочувственные строки: «Между тем как европейские публицисты, человеколюбивые политики охали над судьбою греков... между тем как всякая политическая голова не преминула рассуждать о возрождении или нет византийского орла... болгаре не бывали и в помине, даже никакой славянин не рыдал над телом зарезанного льва; почему же так? Огромное его туловище заброшено в балканских, македонских и румельских лесах: там питается им чудовище двурогое, вышедшее из пустынь Аравии; перья же орла ветром разнесены по белу свету»²¹. Образность, экспрессия характеризуют сочинения Венелина. Его возвышенный романтический стиль неотразимо воздействовал на сердца болгарских читателей.

Болгарский просветитель Анастас Кипиловский в письме, адресованном издателю Ширяеву, делился впечатлениями о книге Венелина: «Несколько дней тому назад мне посчастливилось получить в руки сочиненную господином Ю. Венелиным книгу под заглавием “Древние и нынешние болгаре”, которую я уже шесть раз жадно перечитываю. Я болгарин родом. Мои чувства в отношении моего народа совсем подобны тем чувствам, которыми переполнена и душа почтенного сочинителя этой книги»²². Кипиловский называл Венелина «бессмертным возобновителем болгарского существования» и считал, что каждый болгарин должен отослать ему благодарственное послание.

Сочетание в творчестве Венелина научного мышления и поэтического стиля высоко ценил болгарский писатель и революционер Любен Каравелов: «Юрий Венелин — натура сильная, впечатлительная, талантливая. Мощный ум, глубина соображений, возвышающаяся до сильных поэтических восторгов, редкая способность сосредоточивать все силы духа на один предмет и отвлекаться от всего окружающего составляли внутреннюю его физиономию. Первый том его исследования о славянах «Древние и нынешние болгаре ...», вышедший в 1829 г., имеет особенную важность не столько для науки, сколько собственно для Болгарии. В этой книге Венелин открыл, как говорили тогда, существование неизвестного болгарского племени, одного из славянских племен, забытого миром, но имевшего свою историю, богатую событиями, словесность, живой язык... И эта

книга, а потом путешествие самого Венелина по Болгарии много содействовали нравственному возрождению болгарского народа»²³.

В своих художественных произведениях Л. Каравелов показывает, насколько Венелин почитался болгарами. Достаточно вспомнить героя повести «Болгары старого времени» Хаджи Генчо, у которого «в гостиной столов и стульев не было, а только литография Юрия Венелина украшала стену»²⁴. А в рассказе «Турецкий паша» монахиня говорит о том, что сочинения Венелина — святыня для всех болгар, их можно найти у каждого грамотного человека. Далее она объясняет, как ей удалось выучить русский язык: «Прочла десять раз Венелина и выучила русский»²⁵. Воздействие венелинских идей ощущается и в богатом использовании Л. Каравеловым в своих произведениях фольклорных мотивов, в ярком описании быта и нравов болгар. Да и создание Л. Каравеловым обширного труда «Памятники народного быта болгар» (М., 1861), в котором представлены национальные сказки, пословицы, поговорки, описаны народные поверья, обряды, обычаи, — тоже в значительной степени результат призыва Ю. Венелина к болгарской интеллигенции собирать фольклор, хранить россыпи народной мудрости.

Переписка Венелина с болгарскими просветителями (в частности, с В. Априловым) свидетельствует о том, что ученый придавал большое значение сбору произведений народного творчества. Он сам собирал народные песни (позднее их опубликовал Бессонов) и побуждал делать это болгарских интеллигентов. Многие писатели были одновременно собирателями и издателями национального фольклора (Н. Геров, П. Р. Славейков, братья Миладиновы и др.).

Взгляды Венелина на народное творчество нашли отражение в работе «О характере народных песен у славян задунайских» (М., 1835). В ней ученый стремился показать национально-психологические особенности болгар и сербов на основе их исторической судьбы и народных песен. Эти песни восхищали его прелестью безыскусственной поэзии, а героя болгарского и сербского эпоса Марко Краевича он считал таким же носителем духа нации, каким был Ахилл у древних греков.

В. Г. Белинский, написавший положительную рецензию на сочинение Ю. Венелина, соглашался с этими взглядами ученого: «Первобытная поэзия народов заслуживает особенное внимание, потому что она юна и свежа, как жизнь юноши, непритворна и простодуш-

на, как лепет младенца, могущественна и сильна, как первое, девственное сознание жизни, чиста и стыдлива, как улыбка красоты. Это творчество истинное, бессознательное, бесцельное, хотя, в то же время, и одностороннее, одноцветное. Оно вполне истинно и живо проявляет дух, характер и всю жизнь народа, которые высказываются в нем непринужденно и безыскусственно. От этого произведения младенствующих народов вечно юны и неумирающи... Песни задунайских славян, сколько мы можем судить по образцам, предложенным автором рассматриваемой нами статьи, представляют самые лучшие данные для подтверждения этого мнения о первобытной поэзии... Песни задунайских славян выражают всю жизнь народа, которым они созданы, так же как “Илиада” выражает всю жизнь греков в ее героический период»²⁶.

Русский критик подчеркивал, что о песнях задунайских славян Венелин пишет «умно, основательно, верно и увлекательно. Мысли его об этом предмете прекрасны, глубоки и подкреплены фактами»²⁷. Как мы видим, и Белинский отмечал увлекательность изложения в сочинениях Венелина. Известный болгарский критик Боян Пенев полагал, что Венелину скорее нужно бы стать романистом, нежели ученым. Венелин легко, непринужденно переходил от научных аргументов к захватывающему рассказу об исторических событиях, что привлекало и русских, и, особенно, болгарских читателей. Как мастер-балетрист он описывал роскошные свадьбы, кровопролитные бои, сцены похищения невест: «В девохищение вооружаются как в поход: подкарауливают ее около гумна, или у фонтана, когда пойдет по воду, цап! и поминай как звали. Иногда похитители, подобно разбойникам, нападают на дом, связывают руки отцу и братьям, пока девицу успеют увести. Если какая-нибудь Милица или Любича не хочет следовать за честною ватагою, то ведут за черну косу, а сзади погоняют палкою. Весьма часто девохищение оканчивается кровопролитием»²⁸.

Венелин перевел несколько песен задунайских славян на русский язык. Белинский восхищался мастерством его перевода: «Перевод сделан самим автором статьи, и сделан прекрасно. Он близок, верен, поэтичен, если можно так сказать, и русский язык нигде не изнасилован, нигде не страждет на счет этой близости. Мы были бы очень благодарны автору, если бы он дарил нас чаще и больше подобными переводами песен славянских народов, которые ему так

хорошо знакомы»²⁹. Свежесть, поэтичность стиля Юрия Венелина не раз отмечалась русским критиком.

Сочинения Юрия Венелина способствовали пробуждению у болгарских писателей интереса к национальной истории. Отзвуки идей, суждений Венелина можно обнаружить не только в трудах болгарских историков XIX в. (С. Палаузова, М. Дринова), но и в произведениях драматургов, поэтов, прозаиков.

«Отец болгарского театра» — Добри Войников в 1861 г. издал «Краткую историю Болгарии», в которой широко использовал научные положения Юрия Венелина. Герои диалогов, сочиненных Войниковым для исполнения в школьном театре, ссылаются на труды ученого: «Да, приятель, я могу тебе представить такие доказательства, которые исходят не из болгарской головы, а от карпато-русского ученого, славного писателя Юрия Венелина, который первый доказал, что язык наших прадедов — мать других славянских наречий»³⁰, — говорит Драган — участник «Разговора между двумя учениками и советником». Стремясь показать величие «болгарской народности», Драган (вновь опираясь на сочинения Венелина) рассказывает своему оппоненту, Ивану, о том, что именно болгары первыми из славянских племен приняли христианство.

В своей драматургии Войников отдавал предпочтение историческим пьесам. Большинство его драм посвящено истории Болгарии: «Стоян-воевода» (1866), «Княгиня Райна» (1866), «Крещение преславского двора» (1868), «Велислава» (1870), «Восшествие на престол Крума страшного» (1871), «Десислава» (1874), «Фросина» (1875). Сюжеты этих пьес возвращали зрителей к важнейшим событиям истории страны, чаще всего — к периодам национально-освободительной борьбы против чужеземных захватчиков. В «Княгине Райне» речь шла о борьбе болгар с византийскими и татарскими завоевателями в эпоху Первого Болгарского царства — в период правления Петра; в пьесе «Велислава» — о сопротивлении татарам в XIII в. во время царствования Георгия Тертера. Драма «Восшествие на престол Крума страшного» рассказывала об объединении ханом Крумом в XI в. разрозненных болгарских земель в единое государство. Мужественную борьбу болгар с турками отразила пьеса «Стоян-воевода».

Сюжеты из эпохи независимости Болгарии или периодов отстаивания ее суверенитета Д. Войников трактовал в соответствии

с идеологическими и политическими задачами современности. Романтическая героизация прошлого указывала путь к будущему. Герои первого болгарского драматурга, носители идеи национальной независимости — это, как правило, государственные и культурные деятели древней Болгарии, бесстрашные и величественные, великодушные и благородные. Образы же завоевателей, посягающих на свободу Отечества, всегда резко отрицательны — это типично романтические злодеи, коварные, властолюбивые, жестокие. Черно-белые тона, столь характерные для романтической манеры письма, — вот палитра Д. Войникова.

Особенный успех выпал на долю пьесы «Княгиня Райна», представлявшей переработку повести русского романтика А.Ф. Вельтмана «Райна, королевна болгарская». В пьесе описывался поход в Болгарию русского князя Святослава в эпоху Первого Болгарского царства. Нужно сказать, что Вельтман в своей новелле трактовал события, связанные с походом Святослава так же, как Юрий Венелин. Согласно версии Венелина, Святослав, пришедший в Болгарию как завоеватель, впоследствии перешел на сторону болгар, помогая им в борьбе с византийцами. Аналогично трактует события и Д. Войников. В его пьесе монологи Святослава о дружбе русских и болгар, его уверения, что пришел он в Болгарию, чтобы подарить ей свободу, имели глубочайший символический смысл: они вызывали национально-патриотические и русофильские настроения у зрителей и вселяли надежду на помощь России в освободительной борьбе. В дни Апрельского восстания 1876 г. под впечатлением от пьесы «Княгиня Райна» жители города Панагюриште назвали «Райной-княгиней» местную учительницу Райну Попгеоргиеву, которая тайно от турецких властей вышила для повстанцев бархатное знамя с девизом «Свобода или смерть!» Так смыкалась историческая драматургия с освободительным движением. Хотя Д. Войников принадлежал к кругу просветителей, его исторические пьесы объективно поддерживали дело болгарских революционеров. Понимая это, турецкие власти нередко запрещали их постановки. Так, в Русе цензор Эрнест-эфенди, запретивший постановку драмы «Восшествие на престол Крума страшного» официально предупредил администрацию, что театр будет закрыт, если пьесу не снимут с репертуара³¹. Исторические пьесы Д. Войникова сыграли важную роль в становлении национальной драматургии.

Вслед за Войниковым, заложившим основы жанра исторической драмы, традицию обращения к национально-освободительной теме продолжил В. Друмев. «Прошлое, — подчеркивал Друмев, — корень настоящего и будущего. Тот, кто хочет добиться лучшего настоящего и будущего, должен изучить свое прошлое»³². В учебнике для болгарских училищ «Друг детей» (Одесса, 1863) Друмев являлся автором раздела «Родина и отечество», в котором осветил историю Болгарии. В этой же книге он поместил статью «Торжество фанариотов и возрождение болгар» с восторженным отзывом о деятельности Ю. Венелина.

В 1872 г. Друмев опубликовал пьесу «Иванко, убийца Асена I», ставшую наивысшим достижением драматургии эпохи национального Возрождения. Эта пьеса отсылала зрителей в XII век, ко времени царствования Асена I, свергнувшего византийское иго. Не удивительно, что образ царя, восстановившего независимость Болгарии после почти двухвекового ига, вдохновил В. Друмева на создание историко-патриотической драмы. Судьба Асена I, убитого боярином Иванко по наущению пленного греческого военачальника Исаака Комнена, давала возможность драматургу обратиться к столь злободневной в эпоху национального Возрождения теме отстаивания независимости в борьбе с иноземцами и внутренними антинародными силами, поставить проблему государственных и личных интересов.

В. Друмев при написании своей драмы использовал опыт Д. Войникова. Главная идея пьесы Друмева, как и исторических пьес его предшественника, — мысль о восстановлении духовной и политической независимости Болгарии, идея единства нации в борьбе за свободу. Подобно Войникову, Друмев использовал прием столкновения антиподов: на одной стороне — идеализированные образы Асена, Петра, Марии, царского исповедника отца Ивана, на другой — мрачные образы коварного интригана грека Исаака и его дочери Тодорки, раскрывающие гибельную для Болгарии роль фанариотства. Образ Исаака восходит к войниковскому Георгию Сурсовулу из пьесы «Княгиня Райна». Помимо Д. Войникова и В. Друмева, исторические пьесы создают и другие писатели: Святослав Миларов — «Падение Царьграда», Тодор Стапчев — «Кардам страшный», «Пропасть»; Константин Величков — «Невенка и Святослав»; и др. Историческая драматургия той эпохи участвовала в национально-освободительной борьбе болгарского народа. К ней можно по праву отнести крылатые слова Жана Жореса: «От прошлого мы возьмем огонь, а не пепел».

Исторические сочинения Венелина оказали сильное воздействие и на творчество болгарских поэтов. Крупнейший поэт эпохи Возрождения Петко Рачев Славейков высоко ценил труды Ю. Венелина и стремился познакомить с идеями ученого своих читателей. В 1852 г. в книге «Пестрый букет» он опубликовал сокращенный перевод главы «Владимир II (в крещении Симеон)» из книги «Критическое исследование об истории болгар» (1849). В этой главе Славейкова привлекли суждения Венелина о древнеболгарской письменности, о взаимоотношениях русских и болгар в X веке. Как и Д. Войникова, П. Р. Славейкова заинтересовала версия Венелина о совместных действиях русских и болгар против византийцев. Историческое прошлое Болгарии воодушевляло Славейкова и других поэтов, воспевавших героические дела прадедов, то далекое время, когда страна была сильной и независимой. Лирический герой стихотворения Славейкова «Воспоминание» испытывает благоговение перед руинами древней столицы Тырново — свидетелями свободы Болгарии — и невыразимую тоску при мысли о ее настоящем положении. В стихотворении «И в этот вечер, о светлая луна» перед героем возникают романтические видения: воскресает величие былой столицы, слышится цокот копыт коней юнаков. Типично романтический пейзаж — ночь, лунный свет — способствуют созданию элегического настроения. Но вдруг пелена спадает с глаз, и тишина над развалинами свидетельствует о том, что слава и свобода страны утрачены. Тишина воспринимается как символ покорности болгар, вот уже 500 лет терпящих рабство.

В стихотворении Д. Чинтулова «Воспоминание» (1846) герой испытывает сердечное влечение к памятникам старины в Велико-Тырново. Руины бывшей болгарской столицы навевают ему воспоминания о царе Асене I, освободившем страну от византийского ига, о славных болгарских юнаках, стойко отражавших нападение врагов. И тогда терзания героя, возникшие при сопоставлении минувшего величия с безрадостным мраком сегодняшней Болгарии, сменяются мечтой о возвращении былой независимости. Герой элегии Д. Чинтулова «Два друга» (1850) одинок и печален в современной ему действительности. Когда друг спрашивает героя, почему он проводит время в одиночестве, тот отвечает, что одиноким он почувствовал себя только после заданного вопроса, вернувшего его к реальной действительности. До этого же мгновения, вспоминая на развалинах Преслава героическое прошлое Болгарии, он жил истинной, полной

жизнью: перед ним, как живые видения, возникали победоносные сражения болгар под руководством хана Крума против напавшего на страну византийского императора Никифора. Ожившие видения волнуют героев Д. Чинтулова и П. Славейкова, они более прекрасны и истинны для них, чем реальная жизнь. Возникает романтическое противопоставление идеального там (в прошлом) безрадостному здесь (в настоящем), но это двоимирие весьма своеобразно — тут нет противопоставления жизни земной и загробной, нередко встречающегося у западноевропейских писателей. Инобытие героев Чинтулова и Славейкова в царстве героического прошлого Болгарии служит для противопоставления двух миров: рабства и свободы.

В стихотворении «Охрид», написанном в 1862 г., Р. Жинзифов с болью вспоминает о высокой в прошлом, а ныне поверженной в прах культуре древней Болгарии, об ее духовном центре — Охриде, о мудром Клименте — ученике и соратнике создателей славянской письменности Кирилле и Мефодии.

Многие поэты обращают свои взоры к развалинам Преслава — столицы Первого Болгарского царства, существовавшего с 893 по 972 гт., и Велико-Тырново — столицы Второго Болгарского царства (1185–1396 гт.). Лирический герой стихотворения Харалана Ангелова «Преслав», скорбя о том, что столица древней Болгарии потеряла свою былую славу, призывает царя Симеона восстать из гроба и посмотреть, в какую черную пустыню превратился царственный город Преслав. К руинам Преслава с глубоким волнением приходит и герой элегии Г. Раковского «Прощание с родиной пламенного болгарского патриота в 1853 году». Намереваясь перейти в лагерь русских войск, чтобы вместе с ними сражаться за свободу поработенной Болгарии (действие происходит в период Крымской войны 1853–1856 гт.), он, прежде чем покинуть родину, приходит к седым камням, свидетелям славы предков, чтобы почерпнуть решимость и отвагу для предстоящей борьбы с тиранией. Герой элегии не пассивный мечтатель, а активный борец: «священный долг» повелевает ему вернуть былое величие и свободу Болгарии, даже если для этого придется пожертвовать жизнью. Поэт-революционер Г. Раковский сознательно превращает историческую тему в идейное оружие освободительной борьбы.

Как известно, «поэзия руин» была распространена и в литературе Западной Европы, где эта тема связывалась со скорбными раздумьями о быстротечности жизни, недолговечности славы, бренности

человеческого существования. В Болгарии же, помимо подобных грустных, элегических мотивов, в «поэзии руин» присутствует призыв к борьбе за независимость, выражая скорбь по минувшему, она в то же время несет в себе и надежду на грядущую свободу. Историко-патриотическая тематика способствовала формированию нации, напоминая болгарам, что их объединяет общая историческая судьба, величественная в прошлом и трагичная в настоящем. Произведения, посвященные героическому прошлому страны, воодушевляли на борьбу за свободу.

Родственные тенденции можно проследить и на более крупных жанрах. В поэмах эпохи Возрождения, как и в лирике, воспевалось героическое прошлое страны, утверждалась необходимость сопротивления иноземным захватчикам. Революционно-романтические поэмы Г. Раковского «Лесной путник» (1857), Н. Козлева «Черный арап и хайдук Сидер» (1868), Х. Ботева «Хайдуки» (1871), патриотические поэмы П. Р. Славейкова «Бойка-воевода» (1873), «Кракра из Перника» (1874), «Источник Белоногой»³³ (1873); «Сердар» (1860) и «Скандербек» (1862) Г. Пырличева, «Кровавая рубашка» (1872) Р. Жинзифова выражали идеи освободительной борьбы. Национально-патриотическая проблематика была господствующей в поэмах 50–70-х годов XIX в. Исторические труды Венелина придали болгарской поэзии патриотический импульс.

Образ Юрия Венелина, боготворимого болгарскими писателями, прочно вошел в поэзию эпохи Возрождения. Болгарское Просвещение стимулировало развитие оды. Такие произведения, как «Ода Софронию Врачанскому» Дмитрия Попского (1813), «Ода Юрию Ив. Венелину» (1837), «Ода П. Берону» (1839), «Рыдание на смерть Ю. И. Венелина» (1839) Георгия Пешакова по форме близки стихотворениям русских поэтов XVII в. — Дмитрия Ростовского, Симеона Полоцкого, Феофана Прокоповича, хорошо известных болгарскому читателю той поры. Однако знакомая форма наполнялась новым содержанием: болгарские оды, как правило, посвящались не государям, как это происходило в независимых странах в эпоху Просвещения, а писателям, ученым, способствовавшим возрождению нации.

Георгий Пешаков написал «Оду Юрию Ив. Венелину» еще при жизни ученого — в 1837 г. Это несовершенная, типично даскальская³⁴ поэзия. Несовершенство формы компенсировалось искренностью в выражении чувств восхищения и благодарности к заслугам ученого:

*Тебе, Юрий Венелин,
 Все чада болгарские
 Приносят словно родному
 сердечную благодарность.
 За то, что с любовью ты
 написал про их род
 и сумел доказать,
 что они — славянский народ.
 Имя твое останется
 бессмертным, прославленным,
 и все чада болгарские
 не забудут его вовеки.*

Георгий Пешаков послал свое творение самому герою оды Юрию Венелину, о чем сообщал Априлов: «При первом известии, что я открыл местопребывание нашего историографа, все кинулись с восторгом спрашивать о нем. Живущий в Бухаресте Г. Пешаков доставил мне оду для отсылки Юрию Ивановичу»³⁵. Венелин получил оду вместе с письмом В. Априлова, о чем мы узнаём из книги «О зародыше новой болгарской литературы». Для Венелина особенно важно было то, что ода написана на болгарском языке: «Так как господин Пешаков стал писать не на чужих языках, а на своем родном, то и он имеет право занять местечко в Истории своей отечественной грамотности. Да не подумает кто-либо, что здесь, как говорится, рука руку моет. Так как чувство благодарности, одушевлявшее г. Пешакова при составлении этой оды, служит похвалою ему, а не мне, то и с этой точки зрения я был бы неправ, если бы умолчал о нем. В этой оде нет чувства ни лести, ни хвалолобия. Посему всю заслугу я обращаю на него, согласно с мнением древних мудрецов, что честь не чествующему, а чествующему. (Non honorato, sed honoranti honor est.)»³⁶. В печати ода появилась лишь после смерти ученого. Она была напечатана Иваном Молнаром в предисловии к книге Венелина «Древние и нынешние болгаре ...» (Т. II. М., 1841), Василием Априловым в «Деннице новоболгарского образования» (Одесса, 1841), Павлом Калянджи в книге «Друг детей» (Одесса, 1863).

В 1839 г. Георгий Пешаков посвятил Венелину второе стихотворение — «Рыдание на смерть Ю. И. Венелина», в котором выразил беспредельную боль, глубокое потрясение в связи с безвременной кончиной ученого:

*Плачьте, рыдайте
Все чада болгарские!
Потеряли мы навсегда
Юрия Венелина
нашего премудрого брата!
Но навсегда сохранится
В наших сердцах
Его имя,
Которое будет бессмертным,
Хотя и умер он.*

Горе так велико, что поэт гневно обвиняет силы небесные, отнявшие едва взошедшую на мрачном болгарском небосклоне звезду — Юрия Венелина. Но поэт не только скорбит, он лелеет надежду, что его соотечественники последуют по пути, начертанному ученым — по пути Просвещения:

*Его труды,
Сочинения разные,
Которые оставил он нам
Для пользы нашей
И умно завершил,
Будут светом
Для очей наших
И ныне и в будущем,
Если пробудимся,
Будем человечными.
Наше просвещение
Возлюбим умно
И вместе изгоним
Наше несчастное невежество.*

Это стихотворение получило широкую известность среди болгарских читателей. Оно неоднократно публиковалось в различных журналах и книгах³⁷. Кроме того читатели переписывали его, распространяли в рукописях. Правда, при перепечатке и переписывании порой допускались некоторые отклонения от оригинала, но, как правило, незначительные.

Неофит Рильский, призывая Россию помочь единой сестре Болгарии, опирался на идеи «чудесного, мудрого

Венелина», который сумел доказать славянское происхождение болгар³⁸.

Перу Петко Славейкова принадлежат наиболее яркие поэтические строки, написанные после смерти ученого:

*Прах твой в темной могиле покоится,
Но память о тебе еще жива
И будет жить, пока
Солнце над болгарами будет светить*³⁹.

А на портрете Ю. Венелина Славейков сделал краткую, выразительную надпись:

*Умер тогда,
Когда оживил нас.*

На могиле Ю. Венелина, находившейся в Даниловом монастыре в Москве, благодарные болгары воздвигли в 1841 году прекрасный памятник — белую колонну из итальянского мрамора, завершающуюся урной и крестом. На пьедестале памятника высотой в 4 метра были высечены слова: «Юрию Ивановичу Венелину Одесские болгары 1841 // Родился 1802, скончался 1839 года // Напомнил свету о забытом, но некогда славном, могущественном племени болгар и пламенно желал видеть его возрождение // Боже всемогущий! Услыши молитву раба своего!»⁴⁰

Памятник Венелину был варварски уничтожен в годы сталинщины (в конце 1929 — начале 1930 г.). И не только он, а почти все мраморные надгробия на кладбище Данилова монастыря. Могила Венелина оказалась утраченной. Мрамор с могил усопших был нужен большевикам для строительства московского метро. А на территории Данилова монастыря появилась колония для малолетних «преступников» — детей, чьи родители были репрессированы.

В 1987 г. я обратилась к полномочному министру — советнику Посольства Болгарии Живке Вычковой с просьбой содействовать установлению мемориальной доски Ю. И. Венелину в Даниловом монастыре. Болгарское посольство живо откликнулось на эту просьбу, взяв на себя расходы по изготовлению памятной доски выдающемуся ученому. 22 мая 1988 г. сотрудники Института славяноведения РАН и Посольства Болгарии установили на стене Данилова монастыря памятную доску Ю. И. Венелину с барельефом ученого и надписью: «Юрий Венелин. 22 апрель 1802 — 26 март 1839.

От признателна България». Болгарский народ свято хранит память о человеке, так много сделавшем для национально-культурного возрождения болгарского народа.

В Институте славяноведения РАН изданы рукописи Венелина, пролежавшие в архивах более 160 лет. Так, в 1997 г. вышла работа Ю. И. Венелина, написанная им в 1834 г. — «Грамматика нынешнего болгарского наречия»⁴¹, а в 2005 г. издана книга «Ученое путешествие Ю. И. Венелина в Болгарию (1830–1831)»⁴², включающая интереснейшие документы и письма, адресованные Ю. И. Венелиным С. Т. Аксакову, М. П. Погодину и др. Обе публикации подготовлены Г. К. Венедиктовым. Публикации представляют большой интерес для болгаристов и специалистов в области истории отечественного славяноведения. Земная жизнь Юрия Венелина оборвалась очень рано, в 36 лет, но научная жизнь его продолжается и сегодня.

Дело Венелина продолжили его ученики и последователи. Юрий Иванович преподавал историю сыновьям Сергея Тимофеевича Аксакова — Ивану и Константину Аксаковым. Он сумел передать этим юношам свои знания и любовь к болгарскому народу.

В 1858–1878 гг. Иван Сергеевич Аксаков пользовался большим влиянием как один из руководителей Московского Славянского благотворительного комитета. В этот комитет входили и купцы-староверы, чьи православно-державные взгляды сблизились со славянофильскими в середине XIX в. Десять процентов Славянского благотворительного комитета составляли купцы. Прапрадед автора настоящей статьи Тимофей Саввич Морозов входил в Болгарскую комиссию данного Комитета вместе с Иваном Сергеевичем Аксаковым. Членами Комитета были также Кузьма Терентьевич Солдатенков, Василий Александрович Кокорев, Сергей Михайлович Третьяков и другие предприниматели.

Нам удалось найти в архиве письмо Тимофея Саввича Морозова от 8 октября 1866 г.⁴³, адресованное русскому экономисту и историку Ивану Кондратьевичу Бабсту:

«Милостивый государь Иван Кондратьевич!

Завтрашний день между нами назначен съезд. Ко мне — в 7 часов вечера, по случаю окончательной подписи между нами условия с г. Иваном Сергеевичем Аксаковым. Иван заявил свое желание, чтобы и Вы пожаловали. И я присовокупляю еще мою покорнейшую просьбу. Прошу пожаловать ко мне в гости на чай.

С истинным почтением имеющий быть Вам слугою покорным
 Тимофей Морозов
 8 октября 1866, суббота»

Вот так — за воскресным вечерним чаем 9 октября 1866 г. в доме прапрадеда (Большой Трехсвятительский переулок, дом 1) Т. С. Морозов и И. С. Аксаков подписали договор об издании газеты «Москва», которая выходила в 1867–1868 гг. Фактически эта газета была органом московского купечества. Иван Сергеевич был редактором и одним из авторов этой ежедневной газеты; Тимофей Саввич финансировал издание газеты «Москва». На страницах этой газеты Аксаков выступал по вопросам внешней и внутренней политики России со славянофильских позиций. В частности он писал: «Отыскалось шестимиллионное племя — забытое, забытое [...] но не переставшее хранить вместе с верою нравы и обычаи предков и смутные предания славной исторической старины. Как и всем славянским племенам судило Провидение и болгарам — возродиться к историческому бытию не только плотью, но и духом, не одною физиологическою силою народности, но путем мысли, науки, одним словом — работою народного самосознания. Потребность Просвещения сказалась в болгарском племени с неудержимою властью. Последний грош, сбереженный от жадности турка, отдавался на учреждение школы; молодые болгары пробирались в Россию, преимущественно в Москву, чтобы почерпнуть просвещение из родного источника и разлить его потом по болгарским городам и селам. Мы имеем право свидетельствовать и сим свидетельствуем, что большинство их трудилось честно, училось прилежно, а некоторые кончали курс университетский с блистательным успехом и удостоивались ученой степени. Это тем более заслуживает похвалы, что являлись они из страны полудикой, из-под власти варварского обычая, плохо подготовленные, вынужденные уже во взрослых годах начинать подготовку снова, — и что приходилось им здесь бороться и с климатом, и с бедностью, потому что скудны были средства, которые могла уделить им общественная благотворительность. Многих похитила у жизни рано-рано наша суровая зима; некоторые по возвращении на родину задохлись в турецких тюрьмах или погибли иною насильственной смертью от злобы турок, по доносам латинских монахов и других врагов славянского Возрождения, но многим зато удалось и посеять

доброе семя и взрастить добрый от семени плод. [...] Возродившись духовно не может уже болгарское племя не стремиться и к Возрождению политическому, освобождению от мусульманского ига. [...] Мы уже говорили об участии, принятом русским обществом, еще более чем правительством, в духовном Возрождении болгарского племени. Богу известно, как чуждо всяких политических целей и соображений было это участие! Но этого мало. Мы должны помочь и политическому Возрождению болгар, болгар, от которых мы сами получили наших первых учителей веры, которые дали славянству Кирилла и Мефодия, на языке которых стало доступно и нам, и всем славянам Слово Божие... [...] У болгар одна надежда — на нас. Посрамим ли мы эту надежду?...»⁴⁴ Аксаков призывал соотечественников помогать болгарам, пособить братьям в их борьбе и страданиях хоть медным грошом, ибо мирской грош велик. Славянофилы хорошо знали болгарских юношей, обучавшихся в Москве в 50–70-е годы XIX в. Нередко они оплачивали их учебу в России.

Произведения болгарских писателей, повествующие о страданиях своего народа, всё больше тревожат сердца русских людей. Болгарские мотивы появляются в произведениях русских писателей. Главным героем романа И. С. Тургенева «Накануне» (1860) является болгарин Инсаров, прототипом которого был молодой болгарский поэт Николай Катранов. В образе Инсарова — человека сильного характера, воодушевленного благородной идеей борьбы за свободу родины, отразилась горячая симпатия Тургенева к болгарскому народу.

В середине 1876 г., после жестокого разгрома турками Апрельского восстания Александр II официально разрешил сбор средств по всей империи — для помощи угнетаемым христианам. Две трети средств собрали бедные люди (по грошику, как и просил их Аксаков). И. С. Аксаков считал, что теперь настало время возбудить общественное мнение. Славянофилы смогли убедить народ, что необходимо помочь поработенным турками славянам. Они убедили в этом не только своих единомышленников, но и «западников», в частности Тургенева, который восхищался самоотверженностью И. С. Аксакова, а также силою и стихийной громадностью славянофильского движения, охватившего всю Россию. Тургенев был возмущен жестокостью Порты и полагал, что обеспечить будущее несчастных болгар едва ли можно без войны. Ф. М. Достоевский писал в «Дневнике писателя» в июне 1876 г.: «...Как же, однако,

поступит Россия? Вопрос ли это? <...> Россия поступит честно — вот и весь ответ на этот вопрос. <...> в чем выгода России? Выгода России именно, коли надо, пойти даже и на явную невыгоду, на явную жертву, лишь бы не нарушить справедливости. Не может Россия изменить великой идее, завещанной ей рядом веков и которой следовала она до сих пор неуклонно. Эта идея есть, между прочим и всеединение славян; но всеединение это не захват и не насилие, а ради всеслужения человечеству. <...> в этом самоотверженном бескорыстии России — вся ее сила, так сказать вся ее личность и все будущее русского назначения»⁴⁵. Итак, благодаря Венелину и его ученикам — славянофилам, русское общество в 1876 г. было готово помочь болгарам освободиться от турецкого ига, даже ценой жертв. Ведь россияне слышали стоны болгар, призывы о помощи. Болгарский поэт Иван Вазов взывал к русским людям:

*Как мы долго страждем,
Горем край объят.
Братья, ну когда же
Пушки загремят?*

(Перевод В. Луговского.)

Мольбы о помощи звучат и в стихотворении «Россия», написанном Вазовым в ноябре 1876 г.:

*И мы тебя зовем святой,
И как сыны тебя мы любим,
И ждем тебя мы, как Мессию,
Ждем, потому что ты Россия!*

(Перевод Н. Тихонова.)

В конце октября 1876 г. Александр II присутствовал на встрече с членами «болгарской комиссии» Московского славянского комитета И. С. Аксаковым, Т. С. Морозовым, С. М. Третьяковым, генералом Н. Г. Столетовым, графом Д. А. Милютиным. На этой встрече было принято решение о том, что все обмундирование и снаряжение для шести болгарских дружин ополченцев готовит Московский славянский комитет. Предполагалось, что средства выделит славянский комитет (который Столетов называл Славяно-болгарским комитетом). Определили и срок исполнения заказа — 20 декабря 1876 г. Столетов подсчитал, что для экипировки 6000 болгарских ополченцев пона-

добиться 114712 рублей. Генерал Столетов дал справедливую оценку тем людям, которые взяли на себя обязательства по снаряжению болгарских ополченцев. В письме к военному министру — графу Д. А. Милютину он подчеркивал: «Лица, занимающиеся данными приготовлениями, принадлежат к числу главных московских капиталистов и при подготовке обмундирования и снаряжения для болгарских ополченцев не рассчитывают ни на какую коммерческую выгоду, что мне кажется гарантией добросовестного исполнения». Русские предприниматели стремились помочь и болгарам, и своему правительству, которое не должно было себя компрометировать перед европейскими силами подготовкой к боям болгарских ополченцев прежде, чем началась война с Турцией. Александр II просил Анну Федоровну Аксакову передать своему мужу, что он полагается на него в том, что воины не будут ни в чем нуждаться и не посрамят русского имени за границей. И. С. Аксаков был воодушевлен словами государя. Он трудился во имя этого святого дела всю жизнь и теперь, казалось, был близок к осуществлению цели.

Мирные переговоры Александра II на совещании в Константинополе с представителями шести великих держав, к сожалению, не увенчались успехом. Мирным путем улучшения положения христиан Балканского полуострова не удалось добиться императору, который был вынужден объявить Турции войну. В манифесте Александра II от 12 апреля 1877 г. говорилось: «Всем Нашим любезным верно-подданным известно наше живое участие, которое Мы всегда принимали в судьбах угнетенного христианского населения в Турции. Желание улучшить его положение разделял с Нами и весь русский народ, который выражает сейчас свою готовность к новым жертвам, дабы облегчить участь христиан Балканского полуострова. Исчерпав до конца наше миролюбие, Мы принуждены из-за высокомерного упорства Порты приступить к более решительным действиям. Этого требует и чувство справедливости, и чувство собственного Нашего достоинства. Турция отказом своим поставлет Нас в необходимость обратиться к силе оружия [...] и честь России того потребует».

Ценой огромных человеческих жертв русский народ освободил болгар от пятивекового рабства. Иван Вазов (свидетель, очевидец Освободительной войны) называл русских воинов «рыцарями добра». В романе «Под игом» он дал свою оценку восстанию 1876 г.: «Апрельское восстание было недоноском, зачатым в упоении са-

мой пламенной любви и задушенным своей матерью в ужасе от его рождения. Оно умерло, не успев пожить. Это восстание не имеет даже истории. Оно было кратковременным. Страшное пробуждение. А сколько мучеников! Сколько жертв! Сколько смертей! Если бы это движение и его трагические последствия не вызвали Освободительной войны, над ним нависло бы неумолимое осуждение; здравый смысл назвал бы его безумием, народы — позором, история — преступлением. Ибо история, эта старая куртизанка, тоже поклоняется успеху. Одна лишь поэзия могла бы простить и увенчать лаврами его героев».

Поэзия Вазова — это не только литература высочайшего художественного уровня, но и хранительница исторической памяти болгарского народа. Им написаны и стихи о погибших русских солдатах, наполненные болью и состраданием, и торжественные оды, посвященные Александру II и другим членам императорской фамилии, сражавшимся за свободу Болгарии. Александр II шесть месяцев был с русскими войсками в Болгарии в период Освободительной войны. Когда русская армия вступила на территорию Болгарии, то выяснилось, что болгарские ополченцы были лучше одеты и накормлены, чем русская регулярная армия. Купцы-славянофилы не только одели шесть тысяч болгарских ополченцев на свои средства, они закупали также пушки и снаряды для русской армии. Все слои русского общества объединяло, по словам Достоевского, «прекрасное и великодушное чувство бескорыстной помощи своему брату, распятому на кресте». Русский народ был единым (от мужика до царя) в стремлении помочь угнетенным болгарам и другим славянским народам Балканского полуострова. Т. С. Морозов финансировал добровольческий отряд генерала Черняева в Сербии, снаряжение и обмундирование болгарских ополченцев и «болгарскую дружину» воинов-старообрядцев, сражавшихся на Балканах. В период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Тимофей Саввич организовал и содержал лазареты для раненых. А его жена, Мария Федоровна, вместе с женой И. С. Аксакова, Анной Федоровной, помогали сиротам, детям русских офицеров, погибших во время Освободительной войны. Главные пожертвования России в Освободительной русско-турецкой войне 1877–1878 гг. — это ЖИЗНИ двухсот тысяч русских воинов, врачей, медсестер, которые погибли, освобождая болгар от иноземного ига.

19 февраля 1878 г. был подписан Сан-Стефанский мирный договор, признавший освобождение всех болгарских земель. Но на Берлинском конгрессе, созванном в марте 1878 г. для пересмотра условий Сан-Стефанского мира по инициативе Великобритании и Австро-Венгрии, выступавших против усиления позиций России на Балканах, он был заменен Берлинским трактатом 1878 г. Российское правительство пошло на уступки, оказавшись в дипломатической изоляции. Лишь северная Болгария получила автономию, южная Болгария осталась под властью турецкого султана. После подписания этого договора И. С. Аксаков опубликовал в газете «Русь» (М., 27 марта 1878 г.) свое знаменитое обращение: «Ты ли это Русь-победительница, сама, добровольно разжаловавшая себя в побежденную? Ты ли на скамье подсудимых, как преступница, каешься в святых, подъятых тобой трудах, молишь простить твои победы? Едва сдерживая веселый смех, с презрительной иронией, похваливая твою политическую мудрость, нагло срывают с тебя победный венец, преподносят тебе взамен шутовскую с гремушками шапку, а ты послушно, чуть ли не с выражением чувствительнейшей признательности, подклоняешь под нее свою многострадальную голову».

После окончания Освободительной русско-турецкой войны Московский славянский комитет был закрыт. Но люди, входившие в него, успели выполнить свою благородную миссию. Благодаря их деятельности воскресла Болгария после 500 лет небытия. Отношение болгар к Юрию Венелину и его последователям — славянофилам определялось пониманием их значимости для духовного Возрождения народа и для Освобождения страны от многовекового турецкого рабства. Эволюция позиций аксаковской московской группы славянофилов протекала в тесной связи с расширявшимися контактами с болгарскими. Предоставление стипендий молодым болгарам для обучения в учебных заведениях России, публикация их произведений в русской периодической печати, издание их книг на русском и на болгарском языках способствовали тому, что из русских воспитанников выросли в высшей степени богатые в интеллектуальном отношении творцы, которые сыграли выдающуюся роль в формировании болгарской культуры как в эпоху Возрождения, так и в период после Освобождения Болгарии. Поддержка славянофилами вооруженного пути освобождения Болгарии, подготовка общественного мнения, общенародного движения в защиту болгар и других южнославянских

народов, способность убедить народ, правительство и императора Александра II в необходимости помочь болгарам имели огромное значение в деле воссоздания болгарской государственности.

Думаю, не будь Юрия Венелина и его последователей, славянофилов, так не было бы и Освободительной русско-турецкой войны 1877–1878 гг. А если бы не было войны и самопожертвования двухсот тысяч русских воинов и врачей, так не было бы и Болгарии на карте мира. Без этой победоносной войны болгар ожидала бы судьба курдов, которые и сегодня ведут борьбу за независимый Курдистан, но безуспешно. Нет государства, которое согласилось бы пожертвовать жизнями своих сыновей ради их свободы. Болгарский народ сохранил благодарную память о замечательном человеке и незаурядном ученом — Юрии Ивановиче Венелине. Его именем называют новорожденных мальчиков в Болгарии (существует мужское имя — Венелин). В Софии есть улица имени Юрия Венелина. Ему посвящены конференции, о нем пишут научные труды.

Примечания

- ¹ Молнар И. Черты частной и ученой жизни Ю. И. Венелина // *Венелин Ю. И. Историко-критические изыскания*. Т. 2. М., 1841.
- ² *Венелин Ю. И. Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам*. Т. I. М., 1829. С. 11.
- ³ Русский архив. 1882. № 6. С. 145.
- ⁴ Влахо-болгарские или дако-славянские грамоты, собранные и объясненные Юрием Венелиным. СПб., 1840.
- ⁵ *Венелин Ю. И. Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам: Историко-критические изыскания*. Т. II. М., 1841.
- ⁶ *Венелин Ю. И. О зародыше новой болгарской литературы*. М., 1838. С. 10.
- ⁷ *Венелин Ю. И. Древние и нынешние болгаре ...* М., 1829. С. 16.
- ⁸ «Дунавски лебед». Београд, 1861. Бр. 55–56.
- ⁹ *Берон П. Буквар с различни поучения, събрания от Петра Х. Беровича за болгарските училища*. Напечатана сас помошта г. Антоньова Иоанновича в годе 1841. Брашов. — Позднее эта книга получила наименование «Рыбный букварь» за находящиеся в нем изображения дельфина и кита.
- ¹⁰ *Венелин Ю. И. Древние и нынешние болгаре ...* С. 16.
- ¹¹ Заради возрождение новой болгарской словесности или науки. Сочинение или книжица русаго историописателя Венелина / Превел М. Кифалов. Букуреш, 1842.

- ¹² О поникване новобългарския письменности. Разсуждение Ю. Венелина / Побългарено Н. Даскаловым. Цариград, 1860.
- ¹³ *Венелин Ю. И.* О зародыше новой болгарской литературы. С. 50.
- ¹⁴ Там же. С. 19.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 9–11.
- ¹⁷ *Априлов В.* Денница новобългарского образования. Одесса, 1841. С. 93.
- ¹⁸ Там же. С. 119–120.
- ¹⁹ *Жинзифов Р.* Българска литература // *Райко Жинзифов.* Публицистика / Съставили Ц. Унджиева, Д. Леков, И. Конев. Т. II. София, 1964. С. 206.
- ²⁰ Там же. С. 206–207.
- ²¹ *Венелин Ю. И.* Древние и нынешние болгаре ... С. 9–10. — Образ льва взят Венелиным из болгарского герба; чудовище двурогое — полумесяц — из герба Османской империи; образ византийского орла — из герба Греции.
- ²² Цит. по: *Пенев Б.* История на новата българска литература. София, 1933. Т. 3. С. 636.
- ²³ *Каравелов Л.* Памятники народного быта болгар. М., 1861.
- ²⁴ *Каравелов Л.* Болгары старого времени // Болгары старого времени. Избранные произведения / Перевод с болгарского и сербского. Сост., предисл. и примеч. М. Г. Смольяниновой. М., 2002. С. 11.
- ²⁵ *Каравелов Л.* Турецкий паша // Болгары старого времени. М., 2002. С. 93.
- ²⁶ *Белинский В. Г.* Рецензия на работу Ю. И. Венелина «О характере народных песен у славян задунайских» // *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. Т. II. М., 1953. С. 65.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ *Венелин Ю. И.* О характере народных песен у славян задунайских. М., 1835. С. 36–37.
- ²⁹ *Белинский В. Г.* Рецензия на работу Ю. И. Венелина ... С. 66.
- ³⁰ *Войников Д.* Избрани произведения. София, 1978. С. 22.
- ³¹ «Турция». Цариград, 1873. 15 января.
- ³² Съчинения на митрополит Климент Търновски (Васил Друмев). София, 1943. Т. 2. С. 301.
- ³³ В переводе Е. Юдина «Родник Белоногой» (ж. «Дружба», 1988, № 1).
- ³⁴ Даскальская поэзия — названа по имени ее создателей, принадлежащих к учительскому сословию: даскал — учитель (по-гречески).
- ³⁵ *Априлов В.* Денница новобългарского образования. Одесса, 1841. С. 93.
- ³⁶ *Венелин Ю. И.* О зародыше новой болгарской литературы. С. 29–30.
- ³⁷ Стихотворение было опубликовано в журнале «Любословие» (1844, кн. 1), в книгах: Разна любвна песнопойка / Събрал М. Л. Софиянев. Белград, 1858; Сватбата на Хайдут Янча. Повест / Издадена с иждивението на

- Скарлат С. Войводов. Браила, 1863; *Априлов В.* Денница новоболгарского образования; *Венелин Ю. И.* Древние и нынешние болгаре ... Т. II.
- ³⁸ *Бурмов А., Стойков С.* Предосвобожденски стихотворци. София, 1938. С. 13.
- ³⁹ *Славейков П.* Смесна китка. Цариград, 1852. С. 146.
- ⁴⁰ *Априлов В.* Денница новоболгарского образования. Одесса, 1841. С. 127.
- ⁴¹ *Венелин Ю. И.* Грамматика нынешнего болгарского наречия / Публикация подготовлена Г. К. Венедиктовым. М.: ИСЛ РАН, 1997.
- ⁴² Ученое путешествие Ю. И. Венелина в Богарию (1830–1831) / Публикация подготовлена Г. К. Венедиктовым. М.: ИСЛ РАН, 2005.
- ⁴³ ОПИ ГИМ. Фонд 440. Ед. хр. 783. Л. 52.
- ⁴⁴ «Москва». 1867. 14 июля.
- ⁴⁵ *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. [URL: <http://croquis.ru/2175.html>].